

А. ВАЛИЦКИЙ О РУССКИХ ФИЛОСОФАХ КАК КРИТИКАХ МАРКСИЗМА

М.А. Маслин*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
119991, Москва, Ленинские горы, учебно-научный корпус «Павловский», ауд. Г-317.

15 мая 2020 года исполняется 90 лет со дня рождения Анджея Валицкого, всемирно известного польского учёного, члена Польской академии наук, чьи работы по интеллектуальной истории

России пользуются академической известностью также и в современной России и неоднократно переиздавались в русском переводе. На сегодня в России изданы следующие переводы монографий Анджея Валицкого, посвящённых русской интеллектуальной истории:

– Философия права русского либерализма. Пер. с англ. О.В. Овчинниковой, О.Р. Пазухиной, С.Л. Чижкова, Н.А. Чистяковой. Науч. ред. С.Л. Чижков. М.: Мысль, 2012;

– Россия, католичество и польский вопрос. Пер. с польск., послесл. Е.С. Твердисловой. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012;

– История русской мысли от просвещения до марксизма. Пер. с англ. М.: Канон+, 2013;

– В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. Пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

– в постсоветский период статьи Анджея Валицкого неоднократно публиковались в «Вопросах философии». Первая малотиражная публикация Валицкого в России состоялась в 1992 г. под названием «Славянофильство и западничество». Консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Перевод К.В. Душенко. Вып. 1-2. М., ИНИОН, 1992.

Очевидно, что в СССР Валицкий подзревался в принадлежности к ревизионистам марксизма, поскольку был идейно близок к «Варшавской школе истории идей», во главе которой стоял Лешек Колаковский, автор известного ревизионистского сочинения «Главные направления в марксизме». Однако сам Валицкий не отождествляет себя с польскими или какими-либо другими европейскими ревизионистами, он никогда не был членом ПОРП и как независимый внепартийный исследователь не ставил

* **Маслин Михаил Александрович** – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой истории русской философии, Заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

специальной задачей ревизию тех или иных конкретных разновидностей русского марксизма, которые он определяет как «революционный марксизм» Ленина, «марксистский догматизм» Плеханова или «марксистский ревизионизм» Струве.

Центральная задача, поставленная Валицким в процессе его многолетних исследований русской интеллектуальной истории, состояла в создании целостной картины идей всех поколений русской интеллигенции, от эпохи Просвещения до XX в. включительно. Эту задачу конкретным образом отобразила его самая тиражная работа, посвящённая «Истории русской мысли от Просвещения до марксизма», выдержавшая множество изданий в разных странах мира.

Публикуемая работа Валицкого под названием «Русские философы Серебряного века как критики марксизма» не переводилась на русский язык и не выходила ранее в российской печати. Она была рекомендована самим академиком Валицким автору настоящего предисловия, состоящему с ним с 1995 года в дружеской научной переписке, для опубликования в журнале МГИМО «Концепт: философия, религия, культура». Валицкий – автор более 400 работ, из них более 20 книг на польском и английском языках, которые переводились на русский, итальянский, японский, испанский, украинский языки. Он родился 15 мая 1930 г. в Варшаве, закончил Варшавский университет в 1953 г. А. Валицкий – Заслуженный профессор Польской академии наук и университета Нотр Дам (Индиана, США), действительный член Польской академии наук (1998). Работал на факультете социологии Варшавского университета (1958-1960), в Институте философии и социологии Польской академии наук (1960-1981). В качестве приглашённого профессора трудился в университетах Англии, США, Австралии,

Австрии, Дании, Японии, Швейцарии. А. Валицкий – лауреат международной премии Бальцана за высшие достижения в науке и культуре (1998). После него этой премии были удостоены такие философы, как Рикёр (1999) и Левинас (1989).

Принимая из рук президента Итальянской республики премию Бальцана 23 ноября 1998 г., Валицкий заявил: «Во всех своих книгах, посвящённых России, я стремился быть как можно дальше от какого-либо протаскивания антирусских стереотипов». Главное, к чему он всегда стремился, – это «превратить изучение интеллектуальной истории России в особую, признанную международным сообществом сферу научного исследования».

Валицкий много способствовал распространению в мире неискажённых знаний о русской философии. Он является автором многих статей о русской мысли в электронной философской энциклопедии Routledge. Присущая академику Валицкому основательность и объективность в оценках разных вариантов русской философской мысли, в полной мере присутствует и в публикуемом тексте, включённом в состав коллективной монографии «Русская мысль после коммунизма. Возвращение философского наследия»¹, изданной под редакцией и с авторским участием Джеймса Патрика Скэнлана, недавно ушедшего из жизни ветерана американской философской русистики. Воспоминания об этом учёном, в том числе написанные Анджеем Валицким, опубликованы в «Философском журнале»².

Среди авторов монографии наряду с А. Валицким известные историки русской философской мысли:

– Джордж Клайн (переводчик двухтомной «Истории русской философии» В.В. Зеньковского на английский язык и соавтор Джеймса Скэнлана по 3-х томной англоязычной антологии «Русская философия»);

¹ Russian Thought after Communism. The Recovery of a Philosophical Heritage / Ed. By James P. Scanlan, M.E. Sharpe. Amonk, N.Y., L., 1994. 238 p.

² Маслин М.А., Кувакин В.А., Валицкий А., Дебласио А., Ричард Де Дж., Левин И., Гриер Ф., Марченков В.Л. Воспоминания о Джеймсе Скэнлане // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 3. С. 164-196.

- Джордж Янг, исследователь философии Н.Ф. Фёдорова и В.С. Соловьёва;
- Филип Гриер, автор ряда работ по философии И.А. Ильина;
- Кэрил Эмерсон, исследовательница философии М.М. Бахтина;
- Александр Хаардт, специалист по истории русской феноменологии;

В числе авторов данной монографии также два российских автора – философ, член-корреспондент Российской академии наук П.П. Гайденок, а также филолог, историк русской литературы и философии С.Б. Джимбинов.

Большая часть самых насущных философских вопросов для России, считает Валицкий, была сформулирована русской интеллигенцией в XIX в., в то время цветения русской культуры, когда интеллигенция начала брать на себя ответственность за будущее страны и русского народа. Являясь продуктом модернизации по европейскому образцу, интеллигенция в качестве одного из самых фундаментальных и наиболее жгучих вопросов ставит вопрос об общественном прогрессе и путях его достижения.

Восприятие марксизма в качестве ведущей идеологии интеллигенции, ставшее несомненной реальностью к концу XIX в., явилось доказательством извечного интеллигентского стремления к прогрессу и модернизации, ибо марксизм распространялся в России как новейшее научно-философское учение Запада, способное ответить на реализацию этого запроса.

Вопрос о причинах невероятно быстрого даже в сравнении с европейским процессом распространения марксизма в общественном сознании России объясняется Валицким совсем не в терминах советской концепции «освободительного движения», имевшей чисто большевистское происхождение. Этот процесс вписан у Валицкого в контекст русской истории идей, имевшей свою собственную логику, а не в контекст истории классовой борьбы в России. Иначе чем же можно объяснить то, что первым переводом I тома «Капитала», нацеленного на обоснование закономерного перехода

к социализму на материале английского капитализма, был русский (народнический) перевод (1872), вышедший за 10 лет до появления английского перевода этой великой книги. Остроумное объяснение Валицким лидерства России по части распространения марксизма, страны, находившейся на периферии капитализма в сравнении с передовой Европой, заключается в концепции «привилегии отсталости».

Причём автором этой концепции оказывается вовсе не Ленин, обосновавший возможность перехода России к социализму минуя капитализм, а философ-западник Петр Яковлевич Чаадаев. В представлении Валицкого западник Чаадаев был вовсе не ненавистником России или антипатриотом. Начиная со второй половины 30-х гг. XIX в., он трансформировал свои взгляды, высказанные в первом «Философическом письме», и представил их в оригинальной теории «привилегии отсталости» России от Запада.

Согласно этой теории, «непохожесть» России рассматривается как «бесценный актив», который может позволить России перенимать европейский опыт и предложить миру пример решения острых проблем, возникающих на секуляризованном Западе. Именно такова логика многих русских мыслителей, представителей различных идейных течений, как считает Валицкий. Однако отношение большевистских лидеров к марксизму, в первую очередь Троцкого и Ленина, было нацелено на захват власти и на разжигание пожара «мировой революции».

Построение марксистского учения по образу и подобию науки с опорой на «научную интерпретацию истории, делающей акцент на детерминизме», выглядело уже задачей, входившей в противоречие с общей логикой развития русской и европейской философии. Характерным как для России, так и для Европы к концу XIX в. стало стремление к трансцендентному идеализму, метафизике, а затем и к религиозно-ориентированному философствованию. В этом русле следовали представители русского религиозно-философского ренессанса, тогда как

большевистский марксизм остался вне этой магистральной линии.

В этой связи Валицкий рассматривает идеи трёх русских религиозных философов – критиков марксизма (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.И. Новгородцева), чьи воззрения представлены им в качестве реальной альтернативы русскому марксизму. Он пишет, что в целом «эти три мыслителя предложили ценную, оригинальную критику марксизма – критику, отражающую специфический исторический опыт русской интеллигенции». Свойственный интеллигентский поиск целостного тоталитарного мировоззрения и всеохватывающей революционной идеологии пришёл в состояние неразрешимого внутреннего столкновения с основанным на «упрямом и жестком фундаментализме» мировоззрением большевизма.

В основе такого мировоззрения лежала не позитивная наука, а утопическая псевдорелигия. Раскрытие русскими философами, особенно Бердяевым и Новгородцевым, указанной псевдоморфозы, то есть превращения коммунистического мировоззрения в утопический суррогат религии, по мысли Валицкого, составляет главную суть их критического понимания марксизма. Интерпретацию Бердяевым и Новгородцевым марксизма как особой антиперсоналистической «атеистической религии» дополняет позиция Булгакова, основанная на анализе индивидуальных особенностей мышления Маркса, изложенная в работе «Карл Маркс как религиозный тип».

Это мышление, построенное на абстрактных социологических схемах, никак не ориентированное на понимание абсолютной ценности конкретной человеческой личности и её судьбы. Ему соответствует своего рода атеистическая религия, глубоко враждебная религии теистического типа. Валицкий солидаризируется с подобной критической позицией по отношению к марксизму, акцен-

тирует, что «Булгаков был прав в своём подчёркивании того, что марксистская «наука» в действительности является «сотериологическим мифом», «квазимессианистской религией земного спасения». Вместе с тем его позиция была небезупречна, ибо Булгаков, по мысли Валицкого, как экономист должен был показать не только характерный имперсонализм марксизма как ложной религии, но также вытекающее из марксизма отрицание возможностей рыночной экономики для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей.

В целом Валицкий, будучи ограничен рамками статьи, дал лишь краткое изложение существа критической позиции Бердяева, Новгородцева и Булгакова по отношению к марксизму. Концептуальное сопоставление русского религиозно-философского ренессанса и философии марксизма было дано в последней и наиболее крупной монографии польского учёного³. Логическое завершение к началу 10-ых гг. XX в. течения, основанного на унаследованной революционным марксизмом «культуре секулярного радикализма, и расцвет иного течения, основанного на «нео-идеализме и неолиберализме эпохи Серебряного века». Вместе они составляют то, что Валицкий называет «существенно важной паузой» (caesura) в истории русской мысли.

Если бы монография была написана на русском языке, то здесь было бы более уместно русское слово «веха», имеющее для русского интеллектуальной истории символический смысл, поскольку оно ассоциируется с названием исторического сборника «Вехи» (1909). С этого момента, считает Валицкий, русская культура вступает в период драматического дуализма, поскольку культура интеллектуальной элиты становится отделённой от культуры революционной России.

Революционный марксизм в качестве формального наследника русского секулярного радикализма к этому време-

³ Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. 876 p.

ни потерял творческую связь в области философии как с европейскими, так и с собственными русскими традициями. На первый план вышла догматизация В.И. Лениным учения Маркса в интересах тоталитарного партийно-идеологического доминирования в области теории. Любые попытки каким-либо образом соотнести марксизм с иными философскими течениями (ницшеанством, эмпириокритицизмом, эмпириомонизмом, богоискательством) тотально подавлялись Лениным во фракционной партийной борьбе.

Это отражено в его «Материализме и эмпириокритицизме», пропитанном особой ненавистью к любым проявлениям религиозно-философской мысли, которая была во главе противоположного течения. Но именно последняя в начале XX в. стала духовным центром и средоточием общественной активности, связанной с проблематикой церкви, семьи, образования, национальной культуры в целом. Философия Ленина, всецело направленная на захват власти, напротив, вне узких партийно-политических рамок, была совершенно неизвестна в России.

Валицкий обращает внимание на то, что в сборнике «Вехи», большинство авторов которого составили бывшие «легальные марксисты», главное философское произведение Ленина было полностью проигнорировано и ни разу не было упомянуто ввиду того, что книга Ленина не имела общекультурного значения и не могла рассматриваться в России в качестве репрезентативного продукта марксистской культуры. Этот воинствующий атеизм Ленина явился одним из самых ярких свидетельств его отрыва от русской философской проблематики. Она была наполнена разными оттенками богоискательства и богоборчества, включая ставшие широко известными в мире идеи Толстого и Достоевского, но была почти свободна от

концептуального атеизма, в отличие от французской традиции (за такими редкими исключениями, как М.А. Бакунин и Г.В. Плеханов).

Ленинская критика «гуманистической религии Фейербаха» (человек человеку Бог) стала впечатляющим примером этого нигилистического разрыва, включая даже разрыв с «идейно близким» Ленину гуманистическим антропологизмом Чернышевского. Упомянутая веха-пауза (caesura) замыкает в историческом и мировоззренческом смысле авторское описание Валицким движения русской интеллектуальной истории. Точная хронологическая рамка здесь не важна и даже несущественна, хотя приблизительно автор обозначает конец своего обобщённого изложения истории русской мысли 1910-1912 гг.

Гораздо важнее другое – введение цивилизационной и социально-исторической вехи, которая обозначила бы предел развития указанных двух течений единого потока русской мысли. Автор пишет: «Я считаю, что революция 1905 г. знаменует собой естественное окончание XX века... В 1905 г. русское самодержавие вступило в фазу своего окончательного упадка; оппозиция против него приняла организованные политические формы, тогда как вновь завоеванные конституционные свободы сделали возможной открытую политическую активность и быстрое развитие институционализированных форм гражданского общества, которые, однако, не смогли усмирить революционные процессы»⁴.

При этом Валицкий поясняет, что указанная веха-пауза обозначена лишь в том смысле, что служит объяснением логики предыдущего восходящего развития тех идейных течений, которые образовались ещё в XIX в. И даже несмотря на прогрессирующее нарастание духовного разделения русского «потока идей» и вопреки веховской критике революционного ин-

⁴ Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. P. 24.

телигентского нигилизма выразители идей духовного возрождения России продолжали сознать себя некоторое время в качестве продолжателей борьбы интеллигенции с самодержавием. Позднее, уже в эмиграции, отношение русских философов к «интеллигентскому наследству» радикально изменилось. Примером служит известное высказывание Ивана Ильина о том, что «вся культура России нереволюционна и дореволюционна».

Валицкий отнюдь не «ставит точку» на обозначенной им вехе-паузе в интеллектуальной истории России. Развитие «мэйнстрима русской культуры Серебряного века» разворачивалось в России и дальше, вплоть до высылки 1922 г. и продолжалось в эмиграции, а линия революционного марксизма развивалась вплоть

до 1917 г. и трансформировалась затем в советский период.

Валицкий обозначил общую канву дальнейшей интеллектуальной истории России, в том числе нарастание запретительных и репрессивных мер против религиозной философии. Большевикам во главе с Лениным нечего было предложить своим противникам в сфере русской философии, кроме высылки за границы Советской России. После высылки культура русского религиозно-философского ренессанса ушла в эмиграцию, будучи закрытой и запрещённой для своей родины. Условия для её возвращения сложились лишь в постсоветский период и труды Анджея Валицкого, несомненно, способствуют возвращению истории русской мысли в её полном объёме.